

О. Н. Наумов, к. и. н., Москва

ГЕРАЛЬДИКА
В ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ
ЖУРНАЛЕ «НОВИК»
(1948—1963 гг.)

В последние годы жизни Л. М. Савелов из-за ухудшавшегося состояния здоровья все меньше и меньше занимался работой над журналом «Новик», фактически передав заботы о нем своему заместителю Николаю Дмитриевичу Плешко, ставшему с 1945 г. официальным редактором издания. Тем не менее, определенный контроль и организационную работу по подготовке материалов Л. М. Савелов осуществлял до самой своей смерти в октябре 1947 г. Возглавив журнал, Н. Д. Плешко пытался поддерживать традиции, сложившиеся при его основателе.

Н. Д. Плешко (7 апреля 1886, Санкт-Петербург — 14 декабря 1959, Беннингтон, США) учился в Александровском кадетском (1897—1899) и в Пажеском (1899—1905) корпусах, с августа 1898 г. он являлся пажом Высочайшего Двора, а с 1905 г. — камер-пажом. В марте 1906 г. Н. Д. Плешко перешел на военную службу, сначала — корнет Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, в апреле 1910 г. — поручик.

Его научные исследования начались в это же время. В 1910 г. он составил на основании семейного архива и материалов Московского архива Министерства юстиции поколенную роспись своего рода, напечатанную В. Л. Модзалевским¹, сотрудничал с Черниговской ученой архивной комиссией, опубликовал в ее «Трудах» исследование об истории землевладения в Малороссии². Эмигрировав после 1917 г. в Америку, Н. Д. Плешко активно включился в дворянское движение, возглавил родословную комиссию Союза русских дворян в США, в которой занимался практической генеалогией, определяя принадлежность отдельных лиц к дворянскому сословию России. После переезда в США Л. М. Савелова он включился в издание «Новика», опубликовал там более 100 исследований, принимал активное участие в создании и работе Русского историко-родословного общества в Нью-Йорке, в котором стал товарищем (заместителем) председателя. Проблематика его исследований со временем заметно менялась. Первые из них касались конкретных родов (в основном, поколенные росписи), но с конца 1940-х гг. Н. Д. Плешко, опираясь на опубликованные до и после 1917 г. источники XV—XVI вв., все больше занимался изучением генеалогии средневековой Руси. Отдавая должное уважение активной научной и организационной деятельности Н. Д. Плешко, следует заметить, что он не мог сравниться по опыту работы с Л. М. Савеловым, много занимавшимся в русских архивах, создавшим

* Настоящая статья продолжает опубликованную ранее работу на ту же тему, но посвященную другому хронологическому периоду, см.: Наумов О. Н. Проблемы геральдики в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1934—1947 гг.) // Гербовед. 1995. № 2 (8). С. 41—51.

систематический лекционный курс по генеалогии и возглавлявшим московскую школу родословных исследований. Эта разница быстро стала сказываться на журнале.

Постепенному упадку издания способствовало и изменение ситуации в среде русской эмиграции. Происходила смена поколений, а дети эмигрантов мало интересовались историей России и генеалогией своих предков, что начало негативно влиять на деятельность эмигрантских дворянских и научных организаций. В середине 1950-х гг. Русское историко-родословное общество специально обсуждало вопрос о привлечении в свои ряды молодежи, но, по всей видимости, результаты принятые меры не принесли. В начале 1960-х гг. оно прекратило существование, а вместе с ним и журнал "Новик".

В 1950-е гг. черты упадка в генеалогическом журнале проявлялись все отчетливее. Изменялась проблематика издания, становилось больше общеисторических статей, а количество родословных исследований уменьшалось. Много места занимали материалы о членах семьи Романовых, большинство из которых написаны на низком научном уровне и представляли из себя беспомощные компиляции из опубликованных источников. Практически исчезли проблемные, оригинальные статьи, зато некоторые темы повторялись из номера в номер, что связано с узостью авторского коллектива. Поколенные росписи становились короче и скуднее по информации, большинство из них посвящались либо малоизвестным, либо малороссийским родам. Падал их мегодический уровень (исчезли указания на источники).

Кризис издания особенно сильно проявился после кончины Н. Д. Плешко, когда редактором стал В. Г. Сеньютович-Бережной, не обладавший необходимым организационным опытом для продолжения выпуска журнала. Поэтому прекращение в 1963 г. выхода "Новика" являлось вполне закономерным событием, связанным и с объективными, и с субъективными обстоятельствами.

Изучение геральдики в условиях эмиграции сталкивалось с той же основной трудностью, что и исследование генеалогии — недоступность архивных материалов. Поэтому публикации "Новика" конца 1930-х — начала 1940-х гг. касались преимущественно истории и историографии геральдики России XVIII — начала XX в. Среди других затронутых тем — польские гербы, некоторые аспекты использования гербов для генеалогических исследований³. На рубеже 1940-х — 1950-х гг. публикации по геральдике в "Новике" отсутствовали, поскольку среди его авторов не было специалистов в данной области. Хотя бывший секретарь редакции Ю. А. Навроцкий, занимавшийся ранее гербами, в начале 1950-х гг. возобновил сотрудничество с изданием, его новые статьи касались не геральдики, а эпиграфики⁴. Лишь в конце 1950-х гг. появляется новый исследователь, увлеченный гербоведением — В. Г. Сеньютович-Бережной.

В начале 1950-х гг. геральдике посвящена единственная статья "Новика", написанная видным историком и генеалогом, автором многочисленных работ по истории Грузии, князем Кириллом Львовичем Тумановым⁵. Она касалась герба грузинского царя Ираклия II (1721—1798)⁶. К. Л. Туманов отметил одинаково позднее появление родовой геральдики в России и в Грузии (одной из причин этого, поддержав мнение о тесной связи развития вооружения

и появления гербов, он называл использование к востоку от Польши шлемов без забрала, при которых воины не нуждались в опознавательных знаках). Герб Ираклия II известен по печати, приложенной к Георгиевскому трактату 1783 г. Его символы традиционны для Багратидов (держава, арфа, скрещенные скипетр и меч, праща, хитон Господен), он увенчан царской короной, окружен орденской цепью Андрея Первозванного и десятью малыми гербами областей Грузинского царства. Трудность заключалась в отсутствии указаний на цвета фигур и полей. Цель исследования К. Л. Туманова состояла в их установлении. С помощью сравнительного анализа цветов в гербах различных ветвей Багратидов он пришел к выводам о независимости цвета фигур от их расположения (все золотые, кроме хитона и лезвия меча — серебряных), а также о стабильном повторении цветов полей (первое и четвертое — червленье, второе и третье — лазоревые). На этом основании он установил цвета фигур и полей герба Ираклия II. В исследовании К. Л. Туманова гербы родственных семей выступили как основные источники для разрешения источниковедческой задачи, относящейся к другому гербу. Реконструировалась своеобразная геральдическо-генеалогическая схема, взаимосвязанная информационно-источниковедческими связями, поэтому статья имеет не только практическое, но и методическое значение.

Опубликованные в “Новике” работы по геральдике В. Г. Сеньютовича-Бережного касались польских и малороссийских гербов. Из этой тематики выпадает лишь статья о гербе Анны Ярославны, дочери Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за французского короля Генриха I⁷. В труде французского генеалога Клода Парадена “Браки французских королей”, появившемся в Лионе в 1561 году, изображен якобы принадлежавший ей герб: щит рассечен, в правом поле — 10 лилий, в левом — две открытые половины ворот под высоким зубчатым верхом, от них ведут две ступени, что толковалось некоторыми историками либо как изображение “Золотых ворот” в Киеве, либо как испорченное изображение “трезубца”. В. Г. Сеньютович-Бережной разоблачает очевидную поддельность этого герба. Он исходил из нескольких общих и частных аргументов: в середине XI в. гербов еще не было; лилия появляется в гербах в XII в.; на печати Генриха I находилось другое изображение; в XVI в. господствовало убеждение в древности гербов. Если не могли найти их рисунков для каких-либо исторических или мифических лиц, то они просто придумывались. Так поступил и К. Параден. Таков главный вывод исследователя, раскрывшего интересную страничку из истории европейской геральдики. Статья свидетельствует о его хорошем знакомстве с геральдической историографией Европы. Это наложило сильный отпечаток и на другие исследования автора, многие из которых посвящены анализу имеющейся литературы.

Основываясь на трудах польских, русских и немецких историков, В. Г. Сеньютович-Бережной опубликовал в “Новике” ряд исследований, касавшихся происхождения родовых эмблем Юго-Западной Руси. Впервые его взгляды изложены в статье, посвященной сравнительному анализу понятия “рыцарство” в Западной Европе и на Руси⁸, затем проблема была рассмотрена в специальной работе⁹. В. Г. Сеньютович-Бережной сосредоточил внимание на гербах волынской шляхты, отдельные символы которых, как он считал,

восходят к догеральдической эпохе и являются литерами готского шрифта, созданного епископом Ульфилой в начале V в. Он переводил Библию на готский язык, а поскольку христианство на Руси существовало еще до конца X в., то благодаря церковным службам с богослужебными книгами, написанными алфавитом Ульфила, предложенные им написания букв стали известны на Руси. Отдельные буквы принимались как знаки собственности, а позднее закрепились как гербовые эмблемы. Историк отрицал происхождение древнейших гербов волынской шляхты от западноевропейских рун или из польской геральдики. Он относил появление гербов на Руси (подразумевая под этим, конечно, юго-западные регионы) к концу XIII в. и не соглашался с мнением о более позднем их возникновении. Выделяя древние гербы волынской шляхты в особую группу, исследователь связывал возникновение других, менее старых эмблем с восточным или европейским влиянием.

В частности, он находил сходство некоторых из них с тамагами, а в работе, посвященной истории малороссийского рода Апостолов, их герб прямо толковался как подвергшиеся изменению рунические знаки¹⁰. Предложенная В. Г. Сеньютовичем-Бережным теория чрезвычайно интересна, но недостаточно аргументирована и нуждается в дальнейшем обосновании.

Отдельные публикации В. Г. Сеньютовича-Бережного касались непосредственно польской геральдики. В 1958 г. он выступил против высказанной еще в 1935 г. Н. П. Михайловым точки зрения о значительном влиянии иезуитов на появление в Польше гербов¹¹. Историк указал, что они существовали до проникновения членов ордена в страну. В том же году В. Г. Сеньютович-Бережной выступил на страницах "Новика" с положительной рецензией¹² на вышедший труд С. Конарского "Гербовник титулованного польского дворянства" ("Armorial de la noblesse polonaise titre". Paris, 1958), в которой как главное достоинство книги отметил "строгую научность" и сопровождение каждого сведения указанием на источник.

Проблема источников исследования занимала для В. Г. Сеньютовича-Бережного важное место. Особенно часто он привлекал в этом качестве данные сфрагистики, делая на их основе существенные выводы. Так, несовпадение печатей стало для него главным аргументом в дискуссионном вопросе о тождестве князя Ф. Несвицкого и князя Ф. Корибутовича, решенном им отрицательно¹³. Наряду со специальными исследованиями В. Г. Сеньютович-Бережной широко использовал сведения геральдики как дополнительный материал в генеалогических изысканиях. Например, говоря о древности рода Гоголей, вопреки сложившемуся в историографии мнению, он упоминал о том, что его члены "забыли" свой древний герб¹⁴. В геральдических статьях "Новика" В. Г. Сеньютович-Бережной зарекомендовал себя как оригинальный специалист, плодотворно соединивший в своем научном творчестве генеалогию, геральдику и сфрагистику, стремившийся к разрешению дискуссионных вопросов, уделявший большое внимание компаративистским аспектам вспомогательных исторических дисциплин. Его работы знаменовали новые тенденции в геральдической проблематике "Новика".

Традиционное для московской генеалогической школы отношение к русским родовым гербам как к недостоверным генеалогическим источникам¹⁵ с конца 1940-х гг. практически исчезло из журнала. Только в одной из статей Н. Д. Плешко¹⁶ встречаются подобные оценки. Обозревая и анализируя наиболее неудачные, дилетантские работы XIX—начала XX вв. по русской генеалогии, он делил их на две группы: 1) те, сведения которых следует использовать только после тщательной проверки; 2) те, которые использовать нельзя совершенно. К первой Н. Д. Плешко в числе других относил генеалогические сведения “Общего гербовника дворянских родов”, повторив критику этого издания высказанную еще Л. М. Савеловым.

Новым явлением для “Новика” в конце 1950—начале 1960-х гг. стало помещение рисунков гербов (в упомянутом исследовании В. Г. Сенютовича-Бережного о родовых знаках Юго-Западной Руси, в его же статье о роде Лаговыхских и др.)¹⁷.

В истории “Новика” можно выделить два периода, когда к проблемам геральдики проявлялось повышенное внимание: конец 1930-х—начало 1940-х гг. и конец 1950-х—начало 1960-х гг. Оба они были связаны, в основном, с конкретными лицами: в первом случае — с Ю. А. Навроцким, во втором — с В. Г. Сенютовичем-Бережным. Общим являлось преобладание историографических исследований, но в первом периоде они ориентировались на русский материал, а во втором — на малороссийский и польский. На геральдические исследования в “Новике” оказали влияние методические и историографические традиции западного гербоведения. Несмотря на оторванность от отечественных архивов, геральдистам-эмигрантам удалось ввести в научный оборот ценные и интересные фактические сведения, разработать новые для русской исследовательской практики подходы к геральдическому материалу и сделать ряд любопытных обобщений и наблюдений. Деятельность их оказалась успешной настолько, насколько было возможно в условиях эмиграции, а главная заслуга заключалась в самом факте продолжения геральдических исследований, которые хотя не были многочисленными, заняли в генеалогическом журнале “Новик” большее место, чем аналогичные работы в подобном дореволюционном издании — «Летописи Историко-родословного общества». Трудно говорить о продолжении в эмиграции традиций изучения геральдики московской генеалогической школой, поскольку их фактически не было. Тенденция развития заключалась в другом — в распространении некоторых проблемно-теоретических особенностей, сложившихся в московской школе для генеалогии, на геральдику. К ним можно отнести: стремление к расширению проблематики исследований в хронологическом и территориальном отношениях, открытость к усвоению западных методов и теоретических наблюдений; для конца 1930-х—начала 1940-х гг. — попытки создания справочных списков и др.¹⁸

После 1917 г. русская геральдика, также как и история, как генеалогия, разделилась на две ветви: отечественную, “советскую”, и зарубежную, эмигрантскую. Русская геральдика в эмиграции не исчерпывается только публикациями в журнале “Новик”. Материалы о гербах появлялись (в виде книг и статей) во Франции¹⁹, в Югославии, в Бельгии и других странах, где проживала русская диаспора. За рубежом геральдика продолжала

развиваться как научная дисциплина. Однако статьи “Новика” занимают особое место в ее истории, поскольку имели не случайный характер, а связаны с одним из наиболее заметных явлений русской исторической науки в эмиграции — зарубежным периодом московской генеалогической школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1914. Т. 4. С. 79—101.
- ² Пleshko Н. Д. Коровченко, хутор под городом Старолубом // Труды Черниговской ученой архивной комиссии. Чернигов, 1913. Вып. 10.
- ³ Наумов О. Н. Проблемы геральдики в историко-генеалогическом журнале “Новик” (1934—1947 гг.) // Гербовед. 1995. № 2 (8).
- ⁴ Навроцкий Ю. А. О двух могилах в Испагани в Персии // Новик. 1952. Отд. III. С. 5—6; Он же. О почетных досках в куполе базилики Св. Петра в Риме в память посещения членами Российского Императорского Дома // Там же. 1956. Отд. I. С. 42.
- ⁵ Taitanoff С. Les dynasties de la Caucasic chretienne de l’Antiquite jusq’ au XIX -e siecle. Roma, 1990 и др. Туманов Кирилл Львович, князь (10.10.1913, Санкт-Петербург — ?). Окончил Гарвардский и Джорджтаунский университеты, доктор философии, профессор истории в Джорджтауне, мальтийский рыцарь. См.: Памятная книга российского дворянства. Париж, 1987. Список трудов см.: Новик. 1950. Отд. II. С. 6.
- ⁶ Туманов К. Л. Герб Царя Ираклия II Грузинского // Там же. 1951. Отд. I. С. 31—33.
- ⁷ Семенович-Бережной В. Г. Был ли герб у Анны Ярославны // Там же. 1957. Отд. I. С. 7—8. Основные выводы повторены: Он же. Анна Ярославна, королева Франции // Там же. 1958. Отд. I. С. 6.
- ⁸ Он же. Рыцарство в Западной Европе и на Руси // Там же. 1956. Отд. I. С. 29—30.
- ⁹ Он же. Родовые знаки и эмблемы Юго-Западной Руси // Там же. 1961. Отд. I. С. 10—17.
- ¹⁰ Он же. Род Апостолов // Там же. 1959. Отд. I. С. 8. В основу статьи положен доклад, прочитанный 24 мая 1959 г. на годовом общем собрании Русского историко-родословного общества в Нью-Йорке.
- ¹¹ Он же. Письмо в редакцию // Там же. 1958. Отд. III. С. 1; Михайлов Н. П. О гербах польского дворянства // Там же. 1935. Вып. 2. С. 13—14.
- ¹² Семенович-Бережной В. Г. Рецензия // Там же. 1958. Отд. III. С. 14—16.
- ¹³ Он же. Князь Федор Несвицкий и его место в истории // Там же. Отд. I. С. 7—12.
- ¹⁴ Он же. Род Гоголей // Там же. 1957. Отд. I. С. 1.
- ¹⁵ Наумов О. Н. Геральдика и Историко-родословное общество в Москве // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 108—110.
- ¹⁶ Пleshko Н. Д. О некоторых источниках русского родословия // Новик. 1956. Отд. I. С. 35—41. В основу статьи положен доклад, прочитанный Н. Д. Пleshko 26 февраля 1956 г. на общем годовом собрании Русского историко-родословного общества.
- ¹⁷ Семенович-Бережной В. Г. Лагодские герба “Корчак” // Там же. 1959. Отд. 2. С. 10; Он же. Родовые знаки и эмблемы... С. 17.
- ¹⁸ Подробнее см.: Наумов О. Н. Московская генеалогическая школа конца XIX первой половины XX вв.: Автореф. дис. ... к. и. н. М., 1995. С. 22—23; Он же. Зарубежная генеалогия и развитие методики родословных исследований в России в первой половине XX в. // Источниковедение и компаративистский метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 352—354.
- ¹⁹ Например, в журнале Союза русских дворян во Франции “Дворянство” («La noblesse») появился ряд материалов по геральдике (в частности, о геральдических правах женщин (1969. № 12) и др.).